

К ИСТОКАМ МИРОВОЗЗРЕНИЯ ДРЕВНИХ УРАЛЬЦЕВ (по материалам мелкой глиняной и кремневой пластики эпохи неолита - бронзы оз. Андреевского Тюменской обл.)

Активные археологические исследования 70 - 80-х гг. на южном и восточном берегах Андреевского озера экспедициями Уральского и Тюменского университетов и Тюменского областного краеведческого музея привели к открытию ряда любопытных изделий эпохи неолита - бронзы, которые могут быть отнесены к категории мелкой глиняной и кремневой пластики. Известны 11 экземпляров: 10 выполнены из глины и 1 - из камня. Четыре фигурки передают зооморфные образы, 7 могут быть отнесены к антропоморфным. Все скульптурные изображения происходят из раскопов и достаточно хорошо документированы.

Методика исследования крайне проста. Она содержит два уровня. На первом уровне каждый сюжет рассматривается в эпохальном разрезе на базе материалов лесной зоны Западной Сибири и сопредельных территорий, выявляется, там где это возможно, динамика его развития. На втором производится корреляция археологической сюжетной линии с этнографическими реликтами, на основе чего выбираются наиболее вероятные варианты ее прочтения.

Правомерно ли привлечение современных этнографических данных для анализа изделий столь отдаленных эпох? Крупнейший специалист в области ретроспективных исследований древних пластов мировоззрения Б.А.Рыбаков считает, что вполне правомерно, ибо глубина народной памяти измеряется десятками тысячелетий¹. Историю верований следует воспринимать не как полное вытеснение старого новым, а как наложение нового на всю сумму более ранних представлений, как создание амальгамы разновременных и разнотадальных элементов². Наиболее полно, по его мнению, архаическая стадия религиозных представлений уцелела как раз у сибирских народов, где дольше всего существовала охотничья стадия хозяйства³.

Конечно, и в Сибири происходили многочисленные миграции населения, угасали одни и зарождались другие коллективы, видоизменялись формы хозяйства, и наконец, шел естественный процесс дальнейшего развития представлений о мире и человеке. Как же выявить в пестрой картине верований наиболее архаичные пласты? Этнографы в своих работах неоднократно так или иначе касались этого вопроса⁴. Они пришли к выводу, что древний облик имеют, во-первых, представления, отличающиеся большим единообразием на обширных территориях; во-вторых, те мифы и обычаи, в которых основная роль отводится животным, птицам и рыбам. При этом наиболее архаичными следует

считать те, где зверь или птица фигурируют в женском облике. На эти положения мы и будем в дальнейшем ориентироваться.

Описание материала

1. Наиболее ранним является скульптурное изображение птицы с поселения ЮАО-XV (раскопки Л.А.Дрябиной, 1982; рис.1-3). Фигурка была обнаружена в заполнении жилища № 7, в слое с отступающе-накольчатой керамикой эпохи раннего неолита⁵.

Скульптурка, выполненная в технике защипа, достаточно схематична. Над массивным округлым туловом на вертикально поставленной толстой шее возвышается маленькая головка, состоящая почти из одного клюва. Узкие трапецевидной формы крылья раскинуты в стороны. Полуовальный хвостик оттянут назад. Лапки, переданные неаккуратно разделенным надвое выступом, направлены книзу. На брюшке фиксируется выдавленное палочкой углубление для насада.

Поражает общая небрежность изготовления фигурки. Глиняное тесто с примесью шамота плохо высушено и неравномерно обожжено. Поверхность изделия почти не заглажена. Размеры фигурки невелики: длина - 5,1 см, ширина спинки без крыльев - 2,1, с крыльями - 3,2, толщина без лапок - 2,0, с лапками - 2,5.

Ближе всего изображение, судя по вытянутым пропорциям тела, стоит к водоплавающим - утка (определение В.Н.Яковлева - Тюменский областной краеведческий музей).

2. Фрагмент изображения змеи (определение В.Н.Яковлева; рис.1-1) с поселения VIII пункт на оз.Андреевском (раскопки И.В.Жилиной, 1981).

Скульптурка найдена в заполнении жилища (40-50 см над уровнем пола) в смешанном слое, содержащем керамику липчинского, андреевского, и сосновоостровского типов со значительным преобладанием последнего. Фигурка выполнена из цельного жгута глины с растительной примесью в тесте диаметром 18 мм, тщательно заглажена и равномерно обожжена. Длина сохранившейся части 61 мм. Животное изображено в напряженной, полной динамизма позе. Змея высоко подняла голову. Прямо на зрителя смотрят большие, переданные глубокими ямками ромбической формы глаза. Широкий, во всю морду, рот слегка приоткрыт. На нижней стороне приподнятой части тулова хорошо просматриваются брюшные поперечные щитки. Они показаны насечками. С одной стороны их 4, с другой - 5. Две вертикальные насечки на голове между глазами очерчивают границы лобного щитка. Общему впечатлению реализма не мешает даже деформация головы, хотя сплюснутый, буквально обрезанный кончик морды и придает змее несколько фантастический и добродушный облик.

3. Миниатюрное изображение птицы (рис.1-2) с поселения VIII пункт на оз.Андреевском (раскопки И.В.Жилиной, 1983). Фигурка происходит из смешанного слоя, содержащего керамику эпохи неолита - бронзового века

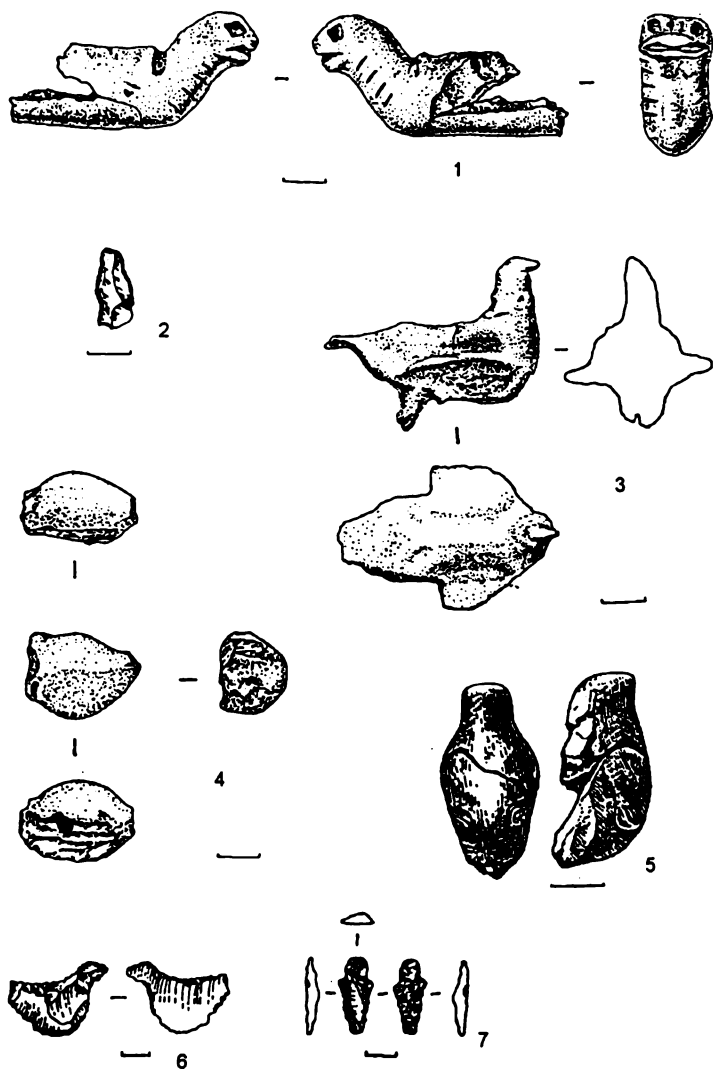

Рис. 1. Мелкая пластика из глины и камня из Западной Сибири (1-4)
и с Восточного Урала (5-7):
1, 2, 4 - поселение VIII пункт Андреевского озера; 3 - ЮАО-XV; 5 - стоянка Евстониha;
6 - 7 - Юрьино IV

с преобладанием энеолитической керамики (сосновоостровский, липчинский и андреевский типы). Скульптурка изготовлена на отщепе полупрозрачного халцедона красного цвета с белыми разводами, размером 8 x 18 мм. Она представляет собой левостороннее профильное изображение сидящей столбиком птицы. Абрис тела подчеркнут мелкой красовой равнофасеточной отвесной ретушью за исключением короткого хвостика, удачно выделенного рельефом отщепа. Рельефом же сформирована линия сложенных крыльев. В изображении узнается птица семейства тетеревиных (определение В.Н.Яковлева).

4. Голова медведя (рис.1-4) с поселения VIII пункт на оз.Андреевском (раскопки И.В.Жилиной, 1983 г.). Скульптурка найдена в смешанном слое, содержащем керамику эпохи неолита - бронзового века с преобладанием последней. В керамическом комплексе бронзового времени доминирует ташковский тип, встречаются фрагменты андроновской керамики. Изображение выполнено из хорошо отмученного глиняного теста с примесью песка; тщательно заглажено и равномерно обожжено. Фигурка представляет собой миниатюрную (1,6 x 2,0 x 2,7 см), но достаточно реалистично вылепленную голову медведя. Манера изготовления весьма лаконична: выведена только общая форма головы, слегка намечены выступами уши и немного асимметричный нос. Сбоку на голове имеется округлое несквозное отверстие диаметром 2,5 мм. Изделие сохранилось неполностью: частично утрачена нижняя часть, чуть повреждены кончики ушей и носа.

5. Антропоморфная скульптура (рис.2-1) с поселения ЮАО-ХП (раскопки В.Д.Викторовой, 1974)⁶. Фрагменты глиняной фигурки были найдены в жилище среди скопления керамики липчинского типа. Размеры сохранившейся части 1,4 x 2,6 x 5,4 см. Голова у изображения утрачена. Тело смоделировано предельно схематично. Оно имеет вид несколько суживающегося книзу прямоугольного бруска с овальным сечением. Руки и ноги даже не намечены, зато вся поверхность изделия, включая и нижний торец, тщательно орнаментирована оттисками лопаточки. В орнаменте легко угадывается одежда - на груди уголком показана кокетка, по талии пропущен горизонтальный пояс.

6. На этом же памятнике найдены обломки еще двух антропоморфных изображений подобного типа. Обе фигурки залежали в сопровождении керамики липчинского типа. Размер сохранившейся нижней части первого экземпляра - 2,2 x 4,1 x 3,3 см (рис.2-4). Форма тела подокруглая. В отличие от первой, туловище у которой равномерно уплощено, новая скульптурка выпукла с одной стороны, что позволяет истолковывать ее как изображение беременной женщины. Внешняя поверхность фигурки покрыта тем же орнаментом из насечек, выполненных лопаточкой. Через центр выпуклой стороны дополнительно прочерчена тонкая вертикальная линия. Детали одежды проработаны менее тщательно: угадывается только широкая кайма, пропущенная по подолу сзади.

7. Второй экземпляр глиняной фигурки представлен обломком нижней части тулова (рис.2-5). Размер сохранившегося фрагмента 1,0 x 3,2 x 4,2 см. Он имеет форму уплощенного подпрямоугольника, несколько сужающегося

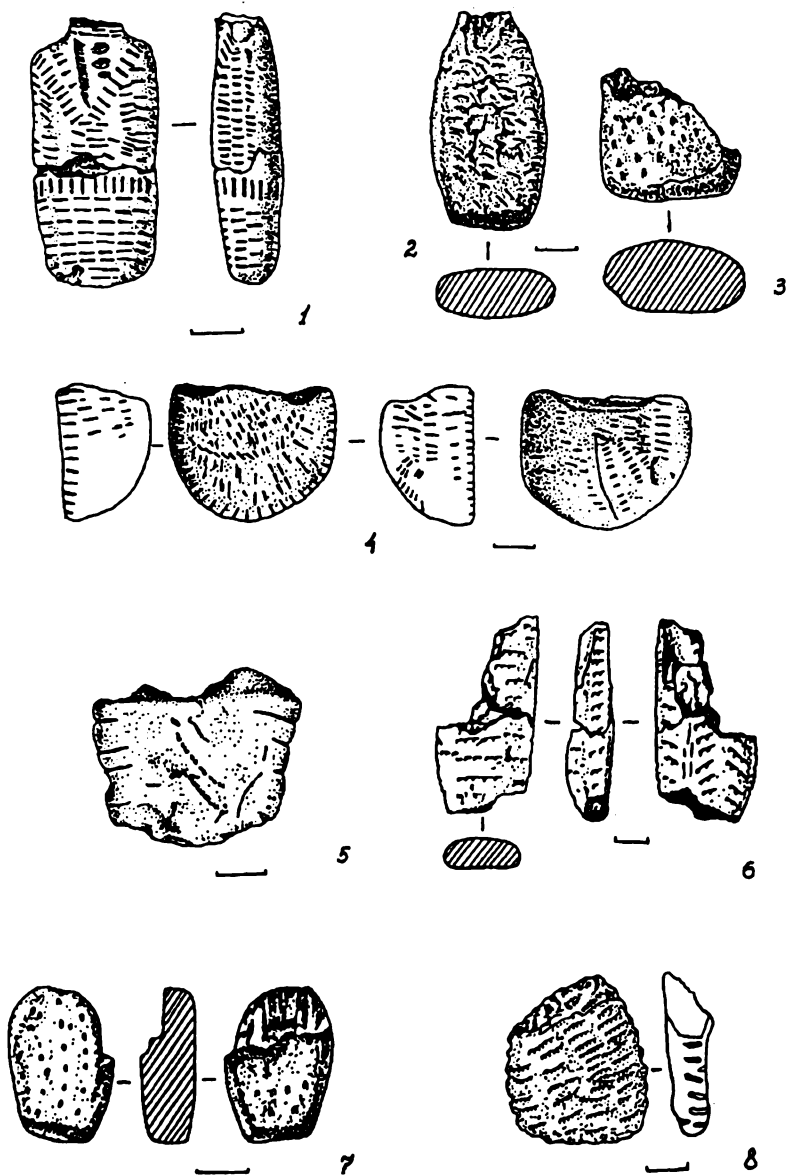

Рис.2. Антропоморфная пластика из глины:
1 - 7 - ЮАО-ХП; 8 - Андоозеро II

книзу. Орнамент, выполненный тонкими горизонтальными нарезками, покрывает только боковые стороны изделия.

8. Следующая антропоморфная фигурка происходит с поселения ЮАО-ХП (раскопки Н.П.Матвеевой, 1978), где она была найдена в наземном жилище липчинской культуры⁷ (рис.2-2). Скульптурное изображение, размером 1,4 x 2,9 x 5,6 см, сохранилось достаточно полно, отсутствует только голова. Тело имеет форму уплощенного подовала с отсеченным нижним концом. Поверхность фигурки спереди покрыта вертикальными рядами насечек и закопчена. В глиняном тесте имеется примесь песка и шамота.

9. Фрагмент нижней части антропоморфного изображения (рис.2-3) с поселения ЮАО-ХП (раскопки Н.П.Матвеевой, 1978)⁸. Скульптурка найдена в слое с керамикой липчинского типа. Размер сохранившейся части 1,8 x 3,2 x 3,0 см. Форма подпрямоугольная, в сечении овальная. Фигурка тщательно заглажена, почти залощена. Поверхность изделия со всех сторон, за исключением нижней плоскости, орнаментирована оттисками гребенчатого штампа. На тулове фиксируются следы закопченности.

10. Фрагмент антропоморфной фигурки (рис.2-7) с поселения ЮАО-ХП (раскопки В.Т.Ковалевой). Условия нахождения скульптурки и год в источнике не указаны. Автор связывает ее с андреевской культурой⁹. Фигурка почти целая, отсутствует только голова. Размер несколько меньше, чем у вышеописанных скульптурок, - 1,0 x 2,0 x 3,0 мм. Контур тулова близок к овалу с отсеченным нижним концом. Абрис плеч покатый. На поверхности изделия с двух сторон нанесен точечный орнамент. Фасон одежды не просматривается.

11. Фрагмент антропоморфной скульптурки (рис.2-6) с поселения ЮАО-ХП (раскопки В.Т.Ковалевой)¹⁰. Фигурка обнаружена в сопровождении керамики андреевского типа. Судя по прорисовке, у нее утрачены голова, значительная часть верхней трети тулова и совсем небольшой фрагмент низа. Размер сохранившейся части 1,33 x 3,17 x 6,33 см. Форма тулова подовальная. Все стороны изображения покрыты оттисками короткого гребенчатого штампа. На боковых гранях изделия и одной широкой плоскости они нанесены горизонтально, на второй широкой грани - наклонно. Из последних сформированы три вертикальные полосы.

Антропоморфная пластика

Наиболее широко в коллекции представлена антропоморфная пластика (7 экз.). В отличие от зооморфной скульптуры, каждая из которых имеет свой индивидуальный облик, серия антропоморфных изображений с Андреевского озера однотипна. Более того, все фигурки происходят с одного древнего поселения, расположенного на территории участка ЮАО-ХП. На его территории находится несколько разновременных поселенческих комплексов. Собственных наименований они не имеют.

Местонахождение двух скульптурных изображений однозначно увязывается с жилищами, остальные залегали в хорошо документированном слое, что позволяет решить вопросы их культурной и хронологической принадлежности. Интересующий нас поселенческий комплекс относится к эпохе энеолита. Первоначально авторы относили его к липчинской культуре¹¹. Позднее В.Т.Ковалева, один из авторов раскопок, разрабатывая проблемы энеолита лесостепного Притобья, уточнила, что поселение оставлено носителями андреевской культуры, которая, хотя и близка по ряду параметров к липчинской, имеет тем не менее существенные отличия¹². Она же обосновала новую датировку этой культуры - вторая половина III тыс. до н.э.¹³ Абсолютных дат для андреевских комплексов пока нет.

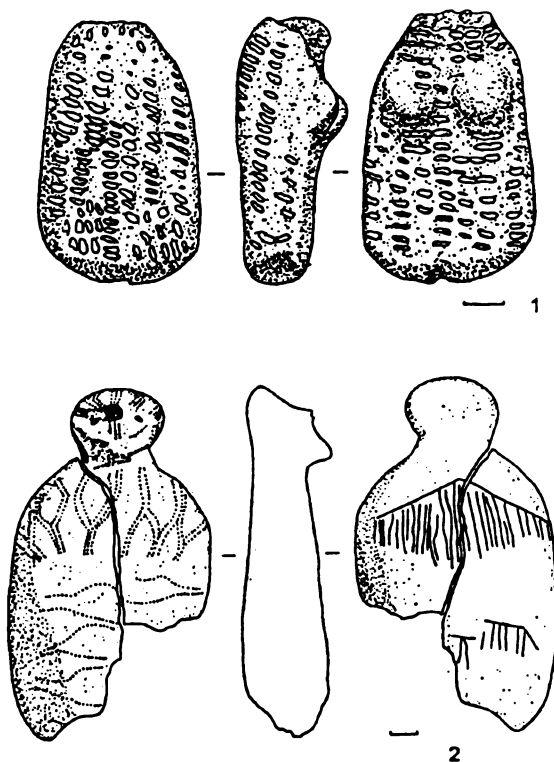

Рис.3. Антропоморфная пластика из глины: 1 - стоянка Мыс Березовый; 2 - Аланд

Антропоморфная пластика Андреевского озера имеет многочисленные аналогии. На сегодняшний день известно еще несколько таких фигурок к западу от Нижнего Притоболья. Одна фигурка, являющаяся ключом к пониманию всей серии, происходит с поселения Мыс Березовый (Свердловская обл., Средний Урал¹⁴; рис.3-1); вторая найдена на стоянке Андоозеро II (Вологодская обл., Восточное Прионежье¹⁵; рис.2-8). Целая серия подобных фрагментов зафиксирована в Аланде (Aland, Финляндия, Аландские острова, Балтийское море)¹⁶. Одна из финских фигурок реставрируется достаточно полно (рис. 3-2). Не совсем ясно, в сопровождении какой керамики найдена статуэтка с Мыса Березового, зато достоверно известно, что фигурка со стоянки Андоозеро II залегала вместе с керамикой среднего этапа каргопольской неолитической культуры, которая относится к кругу ямочно-гребенчатых культур и датируется второй половиной IV - началом III тыс. до н.э.¹⁷ К эпохе неолита относятся и финские изображения¹⁸. Все они выполнены в единой с нашими изделиями манере и, вероятно, по одним и тем же причинам расколоты.

От андреевских фигурок западные аналоги отличаются чуть большей реалистичностью, что, скорее всего, обусловлено их более ранним возрастом. Так, у финской фигурки удалось обнаружить голову, у статуэток с Мыса Березового и стоянки Андоозеро II выделена грудь. В остальном вся серия антропоморфной пластики единообразна. В чем выражается это единообразие? Во-первых, в форме. Все изделия первоначально имели форму уплощенного подвала с прямо обрезанным низом или подпрямоугольника. Во-вторых, в предельном схематизме изображений. Руки и ноги отсутствуют, нет даже намека на них. В-третьих, в преднамеренной и одинаковой по манере порче изображений. Все фигурки не просто расколоты, у них отбита именно голова иногда вместе с верхней частью тулова. И наконец, все фигурки изображены “одетыми” - покрыты орнаментом. Иногда орнамент довольно точно передает одежду с каймой и даже кокеткой.

Все исследователи, ориентируясь на фигурку с Мыса Березового, единодушно считают статуэтки женскими изображениями¹⁹. Эту точку зрения вполне подтверждают фигурка с Андоозера II, у которой тоже намечена грудь, и фигурка “беременной” женщины с поселения ЮАО-ХII.

Что же это за женщины? Н.П.Матвеева считает их изображениями материпрододительницы²⁰. В.Т.Ковалева - изображениями богини плодородия, которая через ритуальную смерть (отбивание головы) оказывается готовой к зарождению новой жизни²¹. Так ли это? Попробуем проанализировать тему со всех сторон. Обе исследовательницы в своих рассуждениях отталкиваются от широко известных женских изображений Восточной Европы эпохи верхнего палеолита, а В.Т.Ковалева привлекает еще и сибирскую антропоморфную скульптуру со стоянки Буреть, где были найдены “фигурки без признаков пола, но “одетые”, что могло являться “символом богатства и достатка”²². Последний аргумент вызывает некоторые сомнения. Вряд ли меховая одежда являлась символом богатства и достатка в Сибири, где просто невозможно прожить без нее. Неубеди-

тельным выглядит и само объединение в единый смысловой круг андреевских фигурок с сибирскими антропоморфными изображениями “без признаков пола”. В действительности у последних, как отмечала З.А.Абрамова, “нет признаков женского пола”²³. Думаю, только очень большой объем исследований с массой ярких мужских изображений, а также наличие некоторого сходства в технических приемах проработки человеческого тела, обусловленное сложным исходным сырьем (бивень мамонта), а возможно и “почерком” одного мастера, не позволили ей разглядеть мужской пол у некоторых так называемых бесполок изображений, признаки которого достаточно ясно выражены, да и сама профаллическая форма скульптурок не оставляет в этом никакого сомнения²⁴.

Я останавливаюсь на этом столь подробно потому, что для изобразительной практики верхнего палеолита при проработке сюжета человеческого тела вообще было характерно подчеркнутое стремление к выделению половых признаков²⁵. В тех случаях, когда пол не маркирован, он обычно легко считывается по смыслу, во всяком случае для человека верхнего палеолита он, безусловно, был ясен. Причем признаки пола не просто подчеркиваются, в большинстве случаев на них акцентируется основное внимание древних мастеров в ущерб голове, рукам, ногам, туловищу. Безусловно, к разряду случайностей это явление никак не относится. В условиях малочисленности человеческих коллективов палеолита идея продолжения рода, его воспроизводства поистине приобретала глобальный характер. Отсюда столь частое обращение к женскому образу, причем не девочки или девушки, а именно женщины-матери. Это действительно матери-прародительницы и богини плодородия.

Традиция эта была унаследована или, возможно, воссоздана заново в энеолите раннеземледельческими племенами (Триполье)²⁶. На территории лесной зоны Северо-Восточной Европы и Западной Сибири, начиная с эпохи мезолита, женские изображения почти не встречаются. В подходе к изображению человеческого тела начинает преобладать схема, а признаки пола если и указываются, то, как правило, мужские²⁷. В эпоху ранней бронзы преобладание мужских изображений и даже мужчин-фаллов становится очевидным. Стоит вспомнить нуринскую головку²⁸, болдинское изображение²⁹, большого шигирского идола³⁰, фаллообразные изображения с поселения Самусь IV³¹ и т.д.

В Северной Евразии, возможно в мезолите, происходит трансформация женского культа. Причина данного явления скорее всего неоднозначна. Важную роль должен был сыграть демографический фактор, в результате которого древний призыв об увеличении человеческого рода получил, наконец, свое удовлетворение. С другой стороны, на первый план все более выходит идея воспроизводства природных ресурсов, необходимых для жизнеобеспечения численно возросшего чел. вещества. Одновременно с этим шел естественный процесс дальнейшего осознания мира и места в нем человека. Не тогда ли человек, ощущая себя единым целым с окружающей его живой природой, разглядел не одну, как некогда, а множество матерей - мать-земля, мать-солнце, мать-вода, мать-огонь и т.д.³² Да и сама мать-прародительница начала

менять свой облик, разрастаясь, с одной стороны, до огромных размеров тотема (Великая мать-медведица, Великая мать-тетеря и т.д.), с другой стороны, уменьшившись до матери дома типа Мяд'пухуца ("чума хозяйка") у ненцев.

Множественность ликов матерей не могла не обусловить появление множества форм и способов поклонения им и множество мест, где такое поклонение осуществлялось. Не потому ли мы практически перестали улавливать их в археологических материалах?

Но вернемся к нашим женским изображениям и попытаемся разобраться, чей образ мог быть запечатлен в них. Вероятно, значимой для понимания их символики является трактовка тела. Оно имеет вид уплощенной лепешки, у которой нет ни рук, ни ног, ни бедер, нет и каких-нибудь намеков на детородный орган. Как уже отмечалось, последнее было принципиально важно при изображении женщины-человека. Более всего такая трактовка подходит для передачи образа другой женщины - Великой матери-земли. При этом толковании находит разъяснение и тот факт, что при общем схематизме изображений на фигурках всегда отмечается наличие одежды. Действительно, голая земля - бесплодная земля. Логично, что у скульптурок, подвергающихся особому ритуалу раскалывания, нетронутой всегда остается нижняя - плодоносящая часть, надо полагать для того, чтобы земля не оскудевала.

Зачем же в таком случае откалывались и куда девались головки фигурок? Учитывая пришлый (имеющий привычку к миграции) характер оставившего их населения³³, можно предположить, что головки забирались с собой на вновь осваиваемые земли как залог их не меньшей обильности и плодоношения. Вполне правомерна и другая версия, что после откалывания головка измельчалась для того, чтобы облегчить выход находящейся в ней душе, после чего ее можно было "вдохнуть" в новое изображение в виде шамота. Интересно в связи с этим отметить, что у тех скульптурок, глиняный состав которых описан, шамот действительно фигурирует в виде примеси, тогда как для сопровождающей их керамики ведущими примесями к глине выступают обычно песок и органика³⁴. В любом случае однозначно ответить на этот вопрос нельзя, по крайней мере сегодня.

Поскольку изображения происходят с поселенческих комплексов, можно предположить, что речь идет не о земле вообще, а о какой-то вполне определенной территории, так или иначе связанной с данным поселением. В этом смысле фигурки действительно могут выступать в качестве местной (родовой) богини плодородия.

В этнографии Северной Евразии зафиксировано самое широкое распространение культа матери природы (лона земли матерей). У саамов это Мадер-акка, у ненцев - Я-мюню, у нганасан - Моу-нямы, у юкагиров - Лочид-аман, у васюганских ханты - Мэх-ими, Калташ-ими и т.д.³⁵ Земля-мать рассматривалась как творец и хозяйка всего на ней живущего. Она могла воплотиться во всем - и в женщине, и в огне, и в камне, и в земле³⁶. Нганасанам и энцам мать-земля представлялась в виде огромного существа, покрытого шкурой (трава, мох и пр.)³⁷.

У обско-угорских народов зафиксирован мотив рождающей “шерстистой” земли³⁸ и т.д.

А.В.Головнев прослеживает через череду мифов связанную с этим образом идею мифологической смерти и последующего возрождения в новом обличье. Он предполагает, что смерть эта необходима не только для подтверждения бесконечности постоянно обновляющейся жизни, но и как “утверждение ее (лона земли матери) призвания покровительствовать не только рождению, но и смерти”, опекая таким образом обе стороны бытия человека - жизнь и смерть³⁹.

Отмечая широту и единообразие культа матерей природы у урало-язычных народов Северной Евразии, этнографы высказывают предположение о его глубокой древности и даже основоположности⁴⁰. Изображения с оз. Андреевского позволяют с определенной долей уверенности фиксировать существование этого культа на территории лесного Зауралья в энеолите, а на территории Северо-Восточной Европы - даже в неолите.

Птицы

В коллекции Андреевского озера имеется два изображения птицы - кремневая фигурка тетерки с поселения VIII пункт и глиняное изображение водоплавающей птицы с ЮАО-ХП. Прямых аналогий ни тому, ни другому изображению нет. Находки кремневой скульптуры на территории Зауралья - явление пока чрезвычайно редкое⁴¹. О том, что это действительно скульптура, а не оружие, свидетельствует, во-первых, факт отсутствия функциональных следов сработанности на изделии⁴². Во-вторых, выбор исходного сырья. Бросается в глаза не только редкость использованного материала - на памятнике подобное сырье более не зафиксировано, но и соответствие его цветовой гаммы объекту изображения. В-третьих, следы сильной окатанности, обнаруженные на фигурке. Такие следы возникают от частого соприкосновения изделия с руками, кожей и т.п. Значит, данный предмет либо долго носился в специальном мешочке, либо был нашит на одежду, что тоже говорит о его небытовом назначении.

Изделие это явно не местного производства, на что указывает не столько факт отсутствия аналогичного сырья на памятнике, сколько отсутствие традиции изготовления кремневой скульптуры в Тюменском Притоболье. Откуда же “прилетела” к нам эта птичка?

В неолите кремневая скульптура была широко распространена в культурах северо-западных областей Европы - мстинской, карельской, особенно каргопольской⁴³. В энеолите основной ее очаг сместился в район Волго-Окского междуречья и Среднего Поволжья, что соответствует ареалу волосовской культуры⁴⁴. Изображения птиц там имеются, но они представлены в основном водоплавающими⁴⁵, хотя, по данным Д.А.Крайнова, возможно есть и тетеревиные⁴⁶.

Гораздо ближе к нам и территориально и стилистически стоит орнитоморфная кремневая скульптурка со стоянки Юрьино IV (Средний Урал⁴⁷; рис.1-б).

Любопытно, что и объект изображения идентичен нашему. По определению Р.Л.Потапова (Зоологический институт АН СССР, Ленинград), птица со стоянки Юрьино IV относится к семейству тетеревиных⁴⁸. Это позволяет высказать предположение об уральских корнях нашей скульптурки.

Помимо фигурки птицы на стоянке Юрьино IV зафиксировано кремневое антропоморфное изображение (рис.1-7). Оно хорошо укладывается в круг традиционной волосовской пластики, что однозначно указывает на истоки уральской кремневой скульптуры. Однако, на мой взгляд, следует отметить своеобразие орнитоморфной скульптуры Зауралья, выразившееся в тяготении к реалистическому изображению боровой дичи, что при общей единичности находок может свидетельствовать о качественно ином семантическом наполнении. Напомню, волосовские кремневые фигурки считаются украшениями или амулетами⁴⁹.

До тех пор пока на территории лесного Зауралья было известно всего два изображения птиц семейства тетеревиных (стоянки Юрьино IV и Евстониha)⁵⁰, эта тема как-то выпадала из поля зрения исследователей. Появление третьей скульптуры обязывает отнестись к этому сюжету внимательнее и попытаться понять, что лежит в основе достаточно частого к нему обращения древних людей. Как мы знаем, ни в пантеоне обских угров, ни в пантеоне селькупов ни тетерка, ни другие птицы семейства тетеревиных не фигурируют. Глухарям посвящено довольно много поверий и мифов. Однако, по утверждению биологов, глухарь и тетерев имеют несколько различные пропорции абриса тела. Поэтому здесь и далее, говоря о семействе тетеревиных, я их намеренно исключаю.

Трудно увязать этот образ и с промысловым культом. Боровая дичь никогда не относилась к основным объектам охоты, всегда являлась только подспорьем. Остается единственное объяснение - тотем. Действительно, такой тотем зафиксирован как у народов Приуралья (удмурты)⁵¹, так и в Западной Сибири⁵². Причем в Западной Сибири он, являясь одним из дочерних тотемов фратрии Мось, распространен достаточно широко: р. Казым, реки Большой и Малый Юган, Северная Сосьва, Назым, Обь (Подгорная волость, Березовский уезд; Белогорская волость; Ендырская волость; Лунпукульская волость) и к тому же в наиболее древней женской форме - "тетеря", "Великая женщина - тетерка"⁵³.

Другие птицы из семейства тетеревиных в качестве тотемов не фигурируют. Это позволяет, с одной стороны, с достаточной долей уверенности истолковывать наши скульптурки именно как изображения тетерок, а, с другой стороны, хронологически документировать существование этого тотема уже в эпоху раннего неолита на основании древнейшего изображения этой птицы со стоянки Евстониha.

Образ водоплавающей птицы - второе орнитоморфное изображение с Андреевского озера - более сложен для толкования. Автор находки Л.А.Дрябина считает ее изображением тотема, но никак это не аргументирует⁵⁴. Единственная синхронная ей по времени и близкая к тому же территориально глиняная скульптурка птицы происходит со стоянки Евстониha на р. Тагил (Средний

Урал⁵⁵; рис.1-5). Обе фигурки относятся к категории мелкой глиняной пластики, но по ряду признаков довольно сильно отличаются друг от друга. Птичка со стоянки Евстониha выполнена тщательно и в более реалистичной манере. Прототипом ее послужила боровая, а не водоплавающая дичь. Столь существенные различия затрудняют объединение изображений в единый смысловой круг.

Традиция изображения водоплавающих птиц восходит к эпохе верхнего палеолита. Две великолепные коллекции этого времени происходят со стоянок Мезин и Мальта⁵⁶. А далее, вплоть до эпохи развитого неолита, их изображения практически нет, как нет и устойчивого изобразительного канона. Он оформляется в лесной зоне Восточной Европы не ранее второй половины неолита (стоянки Сарнате - нарвская культура⁵⁷, Сахтыш VIII - льяловская⁵⁸, Репище - мстинская)⁵⁹, Кубенино - каргопольская⁶⁰, поселения Модлона - культура Модлона⁶¹ и т.д), а на территории Зауралья - в позднем неолите - энеолите (6-й разрез Горбуновского торфяника - липчинская культура)⁶² - изображения водоплавающих птиц на сосудах с гребенчатой орнаментацией⁶³, когда повсеместно фиксируется всплеск интереса к этому сюжету. Если ранее птиц изображали летящими или сидящими и крайне редко плывущими⁶⁴, с этого времени излюбленным становится мотив плывущей птицы.

Массовость изображений в энеолите, подчеркнутое внимание к значимому для древних охотников признаку - умению птицы плавать - отражают факт ее возросшего промыслового значения. Видимо, с этими хронологическими рамками должно быть соотнесено и становление ее промыслового культа. Богатейший материал в этом плане должны дать уральские писаницы, но они, к сожалению, пока на таком уровне точности не датированы.

Раннеэнеолитический возраст фигурки с поселения ЮАО-XV, а также ее иконография - птица изображена не плывущей, а летящей, точнее, взлетающей - у нее еще не подобраны лапки, не до конца расправлены и потому столь непропорционально малы крылья - позволяют с достаточной долей уверенности исключить ее из круга изображений производственной магии. Однако и без этого образ остается весьма многозначным. По данным этнографов, водоплавающая птица занимает особое место не только в мифологии обских угров, но и в мифологии северо-европейских и приуральских народов как один из демиургов земли⁶⁵. По мнению изучавшего этот миф В.В.Напольских, необычайно широкое распространение последнего в среде финно-уральских народов дает возможность считать его очень древним и соотносить со временем прауральского единства⁶⁶. Участниками этого мифа, как правило, выступают лебедь и гагара или лебедь и утка. Но только утка (по другим версиям гагара) становится прародительницей мира.

С другой стороны, некоторые факты, бесспорно, указывают на связь образа водоплавающей птицы с тотемизмом. С.А.Токарев по результатам исследования этнографии народов мира вообще относит птицу к древнейшим тотемам⁶⁷. В сводке тотемов обских угров З.П.Соколовой водоплавающие птицы фигурируют в основном уже в трансформированном (мужском) виде - гусь, лебедь, го-

голь⁶⁸. Однако некоторые данные явно указывают на то, что ранее существовал такой тотем и в женском обличье и, причем, достаточно широко. Так, на реках Атлым и Туре сохранился тотемный знак тамги с изображением утки⁶⁹. В Приуралье зафиксирован род лося, рожденный от рода утки⁷⁰. Там же отмечены пережиточные запреты по отношению к этой птице: поймать живую утку руками - к несчастью; нельзя разбивать утиные яйца; разорять утиные гнезда и т.д.⁷¹ У удмуртов утка была жертвенной птицей. Косточку от утки они, как и коми, хранили в качестве амулета⁷². Более того, Л.С.Грибова, отмечая отсутствие в коми-пермяцком языке собственного названия этой птицы, высказывает предположение о ее возможном древнем тотемном табуировании⁷³.

Аналогичные поверья, запрещающие собирать или трогать утиные яйца, зафиксированы у некоторых групп селькупов (р.Обь). Причем именно у тех, у кого среди домашних "лозов" имелось изображение птицы. Г.И.Пелих, считая зооморфные изображения тотемными, отмечала, что, по словам информаторов, такие фигурки никогда не вырезались из дерева: "Зверей не было из дерева..."⁷⁴ И наконец, в обязанности утки входит сопровождение души умершего, точнее умершей, поскольку мужскую душу уводит селезень. Обычай этот отмечен как у обских угров, так и у селькупов. Рядом с домом сооружается "полчу́ма" из 4 - 5 маленьких шестов и 4 - 5 листов бересты; в нем раскладывают убитую утку (кости, перья, внутренности, крылья) в позе полета, кловом на север; сверху кладут собранные волосы умершего и все вместе сжигают. Вместе с птицей (духом птицы) южный ветер уносит в сторону мертвых, на север, и душу покойного⁷⁵. Аналогичный обряд селькупы производят и при сжигании "куклы" - "кедол куллага" - после смерти олицетворенного ею человека⁷⁶. С каким из вышеописанных явлений следует соотносить археологическое изображение птицы, ответить достаточно трудно. Мне больше импонирует считать ее поводом души или участницей древних космогонических мистерий, на что, как будто, указывают и дырочка для насада, и чрезмерная небрежность - буквально для разового пользования - изготовления.

Медведь

Изображения медведя эпохи неолита - бронзового века с территории Северо-Восточной Европы, Урала и Сибири составили уже весьма представительную коллекцию, поэтому тема медведя является одной из наиболее разработанных в археологической литературе⁷⁷.

Прямых аналогий нашему изображению пока нет, хотя скульптуры медвежьих голов этого времени известны⁷⁸. По проработке головы и размерам наша фигурка имеет наибольшее сходство со скульптурой Томского Приобья и Горного Алтая эпохи бронзы, с которыми она, по-видимому, хронологически близка⁷⁹.

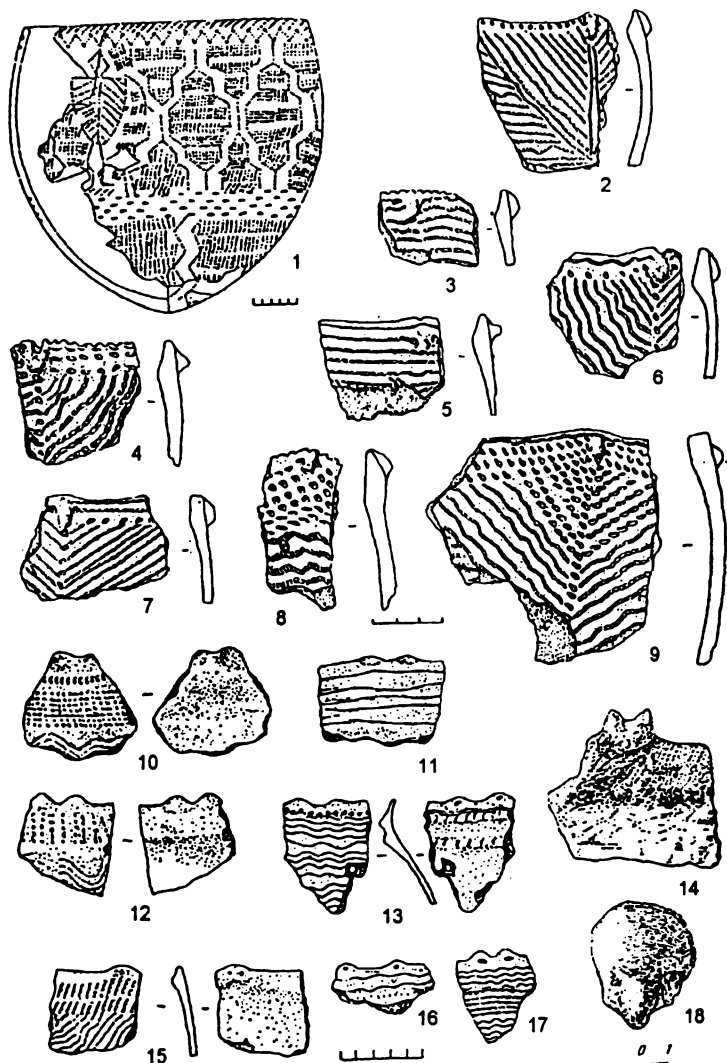

Рис. 4. Фрагменты биполовой антропо- и зооморфной пластики:
 1 - поселение Волвонча I; 2, 3, 5-9 - Кокшаровский холм; 4 - стоянка Чашиха;
 10-13, 15-17 - стоянка Полуденка; 14 - стоянка Береговая I; 18 - поселение Самусь IV

На территории Урала и Западной Сибири изображения медведей, выполненные в технике глиняной пластики, увязываются обычно с сосудами. Широко известна фигурка лежащего медведя на крышке сосуда с поселения Самусь IV⁸⁰ (рис.4-1/8). Там же найден горшок с отогнутым 8-угольным венчиком, на каждом углу которого, как предполагает В.И.Матюшенко, выделена рельефом голова медведя⁸¹. С.В.Студзицкая считает, что в качестве изображений медвежьей морды можно истолковывать и часть зооморфных налепов на венчиках сосудов энеолитического и раннебронзового времени (Береговая I стоянка, Малое плесо на Андреевском озере и т.д.)⁸². Все глиняные изображения предельно схематичны и, что их сближает с нашим, абсолютно лишены деталей. Кстати, характер слома (он занимает только половину нижней плоскости головки) позволяет с определенной долей вероятности и нашу фигурку считать не самостоятельной скульптурой, а именно рельефным налепом на каком-то изделии, скорее всего сосуде.

Вполне закономерно возникает вопрос: что общего между медведем (чаще медвежьей головой) и сосудом? Случайная это взаимосвязь или нет? И если нет, то что лежит в ее основе? Чтобы разобраться с этими вопросами, попробуем обратиться к истории посуды с налепами. Рельефный зооморфный декор на керамике как явление имеет самое широкое распространение не только во времени (от раннего неолита до раннего железного века включительно), но и в пространстве (по всей лесной зоне Северо-Восточной Европы от Финляндии до Урала, в Западной Сибири и даже в Северной Америке)⁸³. Традиция оформлять зооморфным или неиндивидуализированным (простым) налепом венчики некоторых сосудов прослеживается на территории Зауралья с эпохи раннего неолита⁸⁴. По мнению авторов, занимавшихся их исследованием, таким способом либо защищались, либо маркировались горшки, предназначенные для мяса и крови тотемного животного⁸⁵. Вполне возможно, что в утилитарном плане именно так и было. Однако, как мне кажется, всей глубины семантической нагрузки сосудов с редуцированными головками это не вскрывает. Остается неясным, прообраз какого зверя или зверей фигурирует в качестве налепа? Почему он занимает на протяжении нескольких тысячелетий столь устойчивое положение на крае венчика сосуда? И наконец, почему со временем подобная посуда исчезает, ведь, как мы знаем, обычай ритуального поедания мяса сохраняется у сибирских народов вплоть до этнографической современности?

А между тем попытаться ответить на эти вопросы можно. Хотелось бы напомнить, что на этой же территории керамика с налепами довольно длительно сосуществует с керамикой, имеющей зооморфный декор другого типа. Речь идет о сосудах с плоскостными изображениями копытных животных и водоплавающих птиц⁸⁶. Любопытно, что орнаментальные пояса этого типа, тяготея к верхней части сосуда, никогда тем не менее не встречаются на обресе или крае венчика. Раскопки на торфяниках дали целую серию энеолитической зооморфной посуды из дерева в виде копытных животных (лоси) и водоплавающих птиц⁸⁷. При этом все деревянные изделия вполне реалистичны, некоторые даже

художественно реалистичны, а все плоскостные изображения на керамике хорошо узнаваемы.

Бросается в глаза, что изображений медведя нет ни в той, ни в другой категории изделий. Трудно допустить, что образ этого зверя совсем выпал из поля зрения древних охотников. И тем не менее в наскальных рисунках, которые достаточно достоверно могут быть отнесены к раннему времени, его также нет⁸⁸. Объяснение скорее всего следует искать в особом отношении к медведю. Причем настолько особом, что требовалась специальная табуация всего, что с этим зверем связано. Отголоски этой тотальной табуации хорошо зафиксированы этнографически: его нельзя называть по имени; нельзя пересекать медвежий след; нельзя о нем громко говорить - он слышит и т.д.⁸⁹

Табуирование медведя произошло, вероятно, еще в палеолите. Свидетельства особого, ритуального отношения к медведю восходят к мустьерскому времени (захоронения медвежьих черепов и лап в пещерах Альп, Северного Причерноморья, Кавказа)⁹⁰. Однако на территории лесной зоны Евразии, т.е. в местах массового обитания этого зверя, ни в верхнем палеолите, ни в мезолите изображений медведя нет. В неолите и энеолите они крайне скудны⁹¹. Между тем косвенные данные свидетельствуют о широком распространении культа медведя в это время. Б.А.Васильев, анализируя собственные наблюдения и огромную литературу по этому вопросу, пришел к выводу, что культ медведя является чрезвычайно древним. В конце палеолита он был занесен колонизационным потоком из Сибири в Северную Америку, что свидетельствует, как минимум, о верхнепалеолитическом возрасте культа⁹². В.Н. Чернецов, исследуя медвежий культ у обских укров, отмечал, что изначально главным героем мифов был не медведь, а медведица, что позволяет говорить о необычайной архаичности культа⁹³. Пережитки его в той или иной степени сохранились практически у всех народов лесной зоны Евразии⁹⁴. Б.А.Рыбаков даже высказал идею о "протототемизме" этого зверя в лесной зоне⁹⁵.

В условиях всеобщей табуации на изображения медведя именно предельный схематизм зооморфных налепов выдает, по крайней мере в некоторых из них, его образ. Да и кому еще из значимых в жизни первобытного человека зверей может принадлежать этот округлый выступающий нос или два невысоких полукруглых уха? Более четкие изображения на венчиках последующего времени, являющиеся по отношению к своей эпохе архаизмом, лишь подтверждают это.

Что же делают медведи на венчике сосудов? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо разобраться с семантикой самого понятия "сосуд". Причем не сосуд вообще, а именно глиняный сосуд полуяйцевидной или яйцевидной формы, поскольку именно на них встречаются древнейшие налепы. Может быть, в основе семантики такого сосуда лежит яйцо? В этнографии народов мира прослеживаются два круга представлений, связанных с яйцом. Один возводит яйцо к началу начал, к космогонии вселенной (ab ovo)⁹⁶, другой имеет отношение к магии плодородия и в виде различных, чаще всего весенних, ритуалов фиксируется у народов с производящими формами хозяйства⁹⁷.

Ни та, ни другая интерпретация не применима к представлениям западно-сибирских народов. Производящие формы хозяйства у них появились достаточно поздно. А космогонические мифы имеют совершенно другой облик, в них яйцо никак не фигурирует. Единственное упоминание удалось найти в одном из вариантов коми-зырянского космогонического мифа, где рассказывается о праматери утке-чоуж, снесшей 6 яиц, заклопавших в себе зародыш будущего мира⁹⁸. Но в той зоне, где некогда бытовали интересные нас сосуды, устойчиво фиксируется миф об изготовлении первого человека из глины⁹⁹ и даже из глины-песка¹⁰⁰. Как явствует из источников, людей пытались изготовить и из дерева, но они “не получились, менквами стали и в лес убежали”¹⁰¹. Мне не удалось найти у этнографов какого-либо объяснения тому факту, почему именно глина оказалась единственно подходящим материалом для изготовления людей. Учитывая, что особенностью первобытного мышления является его конкретность, оставалось предположить, что между глиной (керамикой) и человеком существовала какая-то устойчивая связь. Но, какая? Для того, чтобы понять это, необходимо найти то промежуточное звено - объект яйцевидной формы, - которое бы связало всю цепочку воедино.

И действительно, такой объект отыскался. Из поля зрения исследователей он выпадал до сих пор лишь потому, что относится к разряду явлений весьма далеких от археологии. Я имею в виду биополевую структуру живого организма. Существование тонко материальных энергетических оболочек вокруг живого тела, подтвержденное многочисленными научными исследованиями и наблюдениями за большим числом людей во всем мире, сегодня, в конце XX в., ни у кого уже не вызывает сомнения.

Внешне, топологически, эта энергетическая структура (аура) у здорового организма имеет вид прозрачного яйцеобразного кокона, обращенного зауженным концом к земле¹⁰². Широкий конец кокона, по моим многолетним наблюдениям, всегда открыт в сторону неба у животных и у тех людей, которые не противопоставляют себя природе, точнее говоря, не закрываются от нее сами. Аура эта многослойна. Наиболее яркая ее часть окружает тело с головы до копчика. Кокон буквально соткан из бесчисленного множества энергетических струй-каналов (“нади”). “Как лист дерева Ашваттхи покрыт мельчайшими волокнами, так же наше тело пронизано тысячами нади”¹⁰³. Мельчайшие каналы стягиваются к мелким, они - к крупным, а крупные - к центральному энергетическому каналу тела, который имеет 7 узлов - чакр¹⁰⁴. Современные акупунктура и игло-рефлексотерапия функционируют именно на основе этих каналов. Биополе человека от биополя животных отличается только своими пропорциями. У животных ширина преобладает над высотой, у человека и стоящего на задних лапах медведя - наоборот.

Стоит ли удивляться тому, что древние охотники, зрение у которых было значительно лучше нашего, многие, если не все, видели эту ауру. Подметив ее сходство с формой своих глиняных сосудов, они не могли не воспринять сосуд яйцевидной формы, изначальная модель которого могла быть вполне про-

заичной (В. Луко считает, что их моделью были остро- и круглодонные сосуды, плетенные из мелких сосновых корней¹⁰⁵). Интересно, что этнографически зафиксировано упоминание об изготовлении человека из тальника, обмазанного глиной¹⁰⁶), как объемное изображение человека или, в случае приземистых пропорций, - животного. Полнота сходства была столь велика, что ассоциация жестко закрепились в сознании и смогла пережить тысячелетия.

Иногда для большей выразительности на венчике рельефом формировалось “лицо” и прорисовывался основной энергетический канал (так называемая линия жизни), который проходит вдоль позвоночника (рис.4-2-9). У человека и стоящего на задних лапах медведя он вертикальный, у животных, соответственно, горизонтальный.

Подтверждение этой гипотезы удалось найти в материалах энеолитического поселения Волвонча I (р. Конда), где на сосудах яйцевидной формы обнаружено несколько прорисовок людей-сосудов¹⁰⁷ (рис.4-1).

Однако не все налпы создавались с целью завершения моделирования тела. Часть редуцированных головок, как неоднократно отмечали исследователи, зафиксирована на внутренней стороне венчика, “обращенные мордами внутрь сосуда”¹⁰⁸. Наиболее яркие зооморфные налпы относятся как раз к этой группе. По всей видимости, именно эту разновидность рельефного декора, по крайней мере значительную ее часть (сосуды высоких пропорций), следует идентифицировать с изображениями медведей (рис.4-9-17). Их месторасположение у устья сосуда, в форме которого закодировано понятие “человек”, а в более широком смысле - “жизнь”, “живое”, оказывается вполне уместным. Медведям доверяется роль оберегов или, точнее, апотропеев всего живого. Почему именно на венчике, тоже понятно. Вспомним, что все злые силы и прежде всего болезни проникают внутрь обильно через открытые отверстия¹⁰⁹.

Любопытнейшую аналогию удалось найти в мифологии селькупов. “В истоках всех рек у сельчи шуниль няркыт (семянного болота) стоит Ылында котат мат (дом Жизненной старухи). В железном доме, имеющем селчи мат шунчи (семь внутренних помещений) и огороженном стальным неводом, живет Жизненная старуха. Охраняют дом полулюди-полумедведи”¹¹⁰. Если принять во внимание, что термин “мат”, переведенный словом “дом”, имеет еще одно значение - “чум”¹¹¹, и заменить инновацию “железо”, “сталь” на глину, можно увидеть все тот же сосуд с зооморфными налпами, которые в тексте конкретно названы - *полулюдьми-полумедведями, охраняющими дом Жизненной старухи. 7 внутренних помещений вполне логично сочетаются с 7 энергетическими центрами (чакрами) или линией жизни (недаром она часто изображается точками), а стальная сеть - с энергетическими же каналами (“нади”) или струйчатым орнаментом на сосуде.*

Интересно в связи со всем высказанным отметить то особое отношение к посуде, которое до сих пор сохраняется у сибирских народов. “Ее нельзя бросать на улице (во избежание вселения в нее злых духов), надевать на голову (ум человека может перейти из вместилища-черепе во вместилище-чашку). Если

она ломается - к несчастью (пробитая посуда - имущество мертвеца). Отдавать или брать можно только посуду с содержимым (не пустую), в доме она хранится под крышкой или прячется в коробке-корневатике»¹¹².

Только в эпоху энеолита, а на территории Зауралья даже в эпоху ранней бронзы, табуация на изображения медведя постепенно снимается. Это время отмечено всплеском реалистической медвежьей скульптуры по обе стороны Урала¹¹³. Начинают широко использоваться амулеты из клыков и зубов медведя; вновь появляются медвежьи захоронения¹¹⁴.

Происходит явная трансформация медвежьего культа, но какая и чем она обусловлена? Ответ на последний вопрос очевиден: новое отношение к медведю фиксируется в культурах, начавших практиковать производящие формы хозяйства¹¹⁵.

Ответить на вопрос о направлении трансформации медвежьего культа помогают сами изображения. Медведи на них не только становятся зрячими и достаточно агрессивными (приоткрытая пасть), но вдобавок оказываются связанными с предметами мужской ориентации - обушки каменных сверленных топоров, наверхи фаллоподобных пестов и т.д. Вероятно, именно в это время образ медведицы заменяется медведем; мужская ипостась начинает доминировать. Отношение к медведю из достаточно пассивного становится активным. Людей уже не удовлетворяет простая благосклонность к ним медведя, они начинают просить у него медвежьей силы (амулеты), плодородия (фаллические песты), напоминать о необходимости реинкарнации (находки медвежьих изображений в погребальных комплексах). Знаменитые эротические обряды медвежьего праздника также, как и запреты для женщин на участие в некоторых его церемониях, ведут свое начало, вероятно, отсюда.

Новое отношение к медведю как к созидателю, а не хранителю жизни не могло не отразиться на налечах. Они изживают себя. Меняется и сам сосуд. Новые формы хозяйствования приводят к утрате старой формы, а стало быть, и вложенного в нее значения, и заменяют ее новой. Сосуд из символа жизни и человека становится символом женского чрева, что очень убедительно продемонстрировал в своем исследовании В.Д.Славнин¹¹⁶. В этом смысле весьма показательно изображение медведя на крышке сосуда, о котором мы уже упоминали. Думается, именно в этом русле - как символ покровителя плодородия - следует рассматривать и нашу медвежью головку. Тотемный ли это образ? Безусловно. Именно тотем ведает вопросами продолжения и плодовитости рода.

Змея

Самым выразительным изделием коллекции и самым сложным для толкования является изображение змеи.

Объемные фигурки змей раннего времени в лесной зоне Евразии - явление достаточно редкое: костяные скульптуры змей с Оленеостровского могильника

(Карелия, мезолит)¹¹⁷; роговая фигурка гадюки из Тырвала и костяная фигурка ужа со стоянки Тамула (Эстония, поздний неолит)¹¹⁸; ужи и гадюка из кости с Аборы (Латвия, поздний неолит)¹¹⁹; головка змеи из кости со стоянки Сахтыш II (Поволжье, волосовская культура, энеолит)¹²⁰; деревянное изображение змеи с 6-го разреза Горбуновского торфяника (Средний Урал, энеолит)¹²¹. Самостоятельной глиняной скульптуры неизвестно. В одном случае зафиксированы объемные наlepные изображения этого пресмыкающегося на глиняном сосуде (пос. Волвонча I¹²², рис.5-1). Кстати, именно эти изображения оказываются наиболее близки нам как по времени (энеолит), так и территориально (Тюменская обл., бассейн р. Конда), но на этом сходство и кончается. Несколько змей, сколько их было первоначально сказать по сохранившимся фрагментам трудно, движутся по направлению к устью сосуда. Они выполнены из волнистых лент глины и украшены оттисками гребенчатого штампа. Использована традиционная для передачи этого животного иконография, согласно которой змеи всегда изображаются ползущими.

Змея с Андреевского озера от очерченного круга скульптуры резко отличается своей неканоничностью. Ее поза динамична, но это не динамика простого движения, а скорее динамика угрозы или напряжения - передняя часть тулова приподнята, пасть широко раскрыта. Ее ярко выраженная индивидуальность заставляет внимательней отнестись к этому образу, что невозможно без проработки сюжета змеи в целом.

Любопытная работа в этом направлении была проделана в свое время П.М.Кожиным и В.И.Сарианиди на материалах этнографии народов мира¹²³. Им удалось проследить взаимосвязь образа змеи: 1) с тотемом; 2) с культом умерших и идеей реинкарнации, а значит бессмертия; 3) с идеей плодородия и, таким образом, с женским культом богини-матери; 4) с водной стихией - ее воплощение; 5) с культом охранительницы домашнего очага; 6) с воплощением мудрого целителя. В процессе исследования авторы пришли к выводу, что лишь в многообразных культах богини-матери значение змеи статично и неизменно - в ней воплощается универсальная идея плодородия¹²⁴. Этнографию западно-сибирских народов исследователи не привлекали. Посмотрим, что говорит по поводу змей она.

Действительно, и у селькупов, и у обско-угорских народов зафиксирован тотем-змея¹²⁵. Территория его распространения у селькупов точно не очерчена, а у обских угров тотем имеет крайне узкие локальные рамки (Сургутский р-н) и весьма ограниченный круг проявлений. Он не фигурирует в фамилиях или самоназвании группы; не изображается в орнаменте; нет его на тамге¹²⁶. Является ли это свидетельством угасания данной тотемной группы или исторически узким использованием змеи в качестве тотема, судить достаточно трудно. Ясно лишь, что из круга тотемных образов змею в Западной Сибири исключать нельзя.

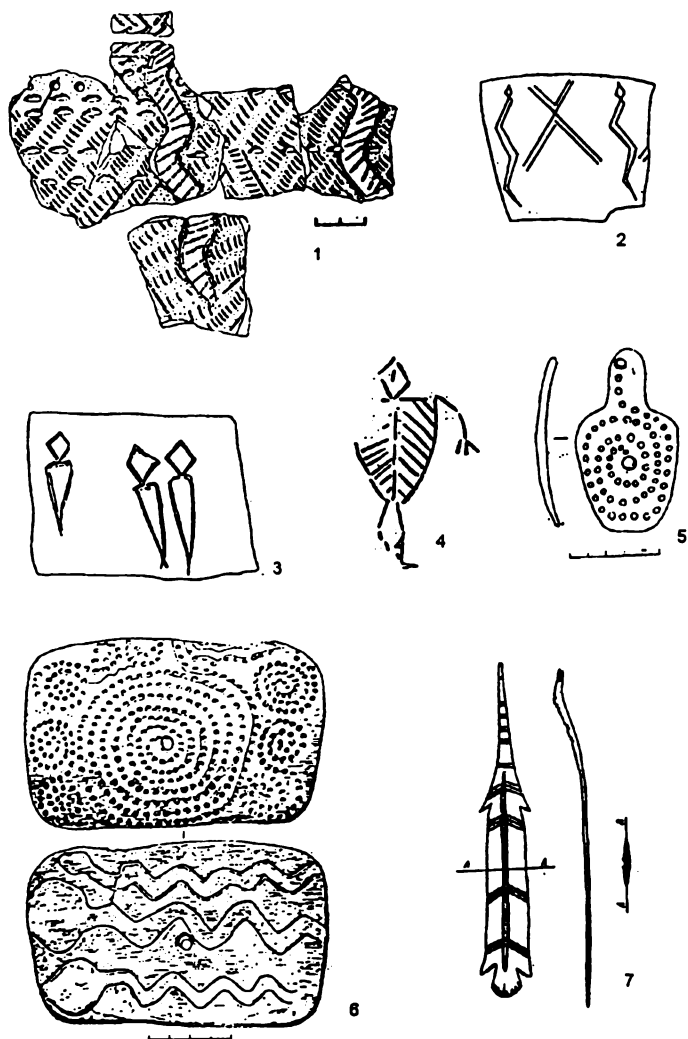

Рис. 5. Символика Кундалини:

1, 4 - Волвонча I; 2 - Улан-Хада; 3 - жертвенное место на р.Лене; 5, 6 - Мальта;
7 - изображение Мунга. 1 - 4 - глина; 5 - 6 - кость; 7 - железо

Интересные данные о змее приводит А.В. Головнев. Отмечая двойственное отношение к ней, как и ко всем другим земноводным, связанное с их принадлежностью к нижнему миру, он убедительно прослеживает связь ее образа с женщиной. Змея оказывается представителем не нижнего мира вообще, а природно-женского низа, который не только предопределяет смерть, но и возрождает жизнь¹²⁷. О связи змеи с женским образом, владеющим даром жизни и смерти, упоминают и коми-пермяцкие легенды¹²⁸.

Но и этим не исчерпывается содержание змеино-го сюжета. При более внимательном рассмотрении в нем явно выявляются функции оберега. Причем не только женского (изображением змеи-рыбы, проводя по нижней части тела больной женщины, вытаскивают из утробы лоза-болезнь)¹²⁹, но оберега жизненного пути вообще, как земного, так и потустороннего (змеи являются символом дороги; покровительствуют человеческим душам, провожая их в загробный мир и помогая преодолевать встречающиеся на пути препятствия и опасности)¹³⁰.

Фигурку змеи с Андреевского озера можно рассматривать и как изображение тотема, и как оберег, и как символ женского начала. Но есть еще одно толкование, которое не только дает возможность свести воедино практически все предыдущие, известные как по западно-сибирской, так и по мировой этнографии, но и объяснить столь многогранную и противоречивую смысловую нагрузку змеино-го образа. Если смотреть объективно, вполне понятна заложенная в ней символика смерти, воды, пути, но совершенно неясно, где истоки столь устойчивого представления о жизнеутверждающей, вплоть до целительства, змеиной силе. Начало этим размышлениям положила прозвучавшая у А.В. Головнева полная туманности фраза: "Шаман и женщина способны заставить змею пройти сквозь кольцо и тем самым приручить ее"¹³¹.

Похоже, наша змейка изображена как раз в момент прохождения через такое кольцо. Уже при первом осмотре фигурки меня поразила не только смазанность морды, что резко бросалось в глаза при общей очень тщательной проработке изделия, но и неестественная, несколько угловатая форма изгиба тела, подчеркнутая специальным поперечным вдавлением на спине. Змея поднимает голову и верхнюю часть тулова так, что становятся видны поперечные щитки живота только до пределов этого вдавления. Если предположить, что деформация кончика морды, где располагается смертоносная сила змеи, - не игра случая, а фиксация успешности приручения после акта контролируемого (вдавление на спине) прохождения через кольцо, все становится на свои места. Но что же это за таинственное кольцо и зачем нужно приручать змею? У Г.И. Пелих мы находим информацию, что "приручить" означает буквально "подчинить воле" шамана. Причем речь идет не просто о змее, а о "Мунга" - змее-рыбе-птице, или летучей змее, которая, кстати, всегда изображается с приподнятой головой¹³² (рис.5-7). Образ этого чудовищного змея-рыбы-птицы известен многим народам Сибири. Его называют "мангыс", "мангус", "мангатхай"¹³³. Может быть, у нашей змейки при всем натурализме в передаче

змеиного тела не выделены родовые признаки - гадючий зигзаг на спине или ужиные пятна на голове, как это наблюдается на скульптурах прибалтийских змей, именно потому, что она "Мунга"?

По сведениям Г.И. Пелих, "Мунга" - это "огненный" змей, который может превращаться в человека. Он обладает невероятной силой - может пожирать солнце, и имеет непосредственное отношение к болезням и смерти человека. Это "главный змей", "великий черт Ло". Изображение "Мунга" являлось главным фетишем шаманской коллекции. Его нельзя было показывать посторонним и говорить о нем можно было только иносказательно¹³⁴. Кто же он такой, этот змей "Мунга"?

Разгадку неожиданно удалось найти все в той же волончинской керамике. С одной стороны, в ней фиксируются сосуды, оформленные ползущими к устью змеями, с другой стороны - удивительные антропоморфные изображения, передающие энергетическую структуру человека. Наиболее полно сохранившийся экземпляр имеет странную ромбической формы голову, которая вкупе с основным энергетическим каналом (позвоночник, линия жизни) дает все то же изображение змеи (рис.5-4). Что это, игра случая? Но точно такие же изображения и в той же позиции - в одном случае змей, в другом - не то змей, не то людей - обнаруживаются за много сотен километров отсюда в материалах энеолитической глазковской культуры в Прибайкалье и снова на сосудах яйцевидной формы¹³⁵ (рис.5-2-3). Вновь случайное совпадение? Или, ориентируясь опять же на конкретность первобытного мышления, мы имеем дело с фактом наличия змеи в энергетике человека?

Да, такая змея есть, и зовут ее "Великая Мать Кундалини". Она представляет собой центральную энергию тела, которая в состоянии покоя спит, свернувшись в 3,5 оборота у основания позвоночного столба¹³⁶. Овладеть ею (укротить) и тем более поднять до макушки головы могут только адепты (великие шаманы), для остальных это чревато смертельной опасностью. Возможности человека, овладевшего энергией Кундалини, становятся поистине безграничны¹³⁷. Поднимаясь, энергия должна пройти через особые энергетические центры - чакры. В дословном переводе с санскрита слово "чакра" обозначает - "колесо", "круг"¹³⁸. Не то ли это загадочное кольцо, через которое проводят змею, укрощая, шаман и женщина?

Напоследок упомяну еще один факт, косвенно подтверждающий принадлежность нашей змеи к энергетике человека. Она, также как и все змеи на сосудах, выполнена все из того же "человекородного" материала - глины.

Попутно замечу, что не только человек, но и Земля и Вселенная имеют свою Кундалини, которая в своей высшей форме находится в покое, свернутая кольцами¹³⁹. Я испытала буквально потрясение, когда, просматривая змеиные сюжеты, обратилась к знаменитой мальтинской бляхе из бивня мамонта (верхний палеолит), космогоническую символику которой так замечательно проанализировал Б.А. Фролов¹⁴⁰. На одной ее стороне выгравированы три змеи: большая - в центре, поменьше и совсем маленькая - по бокам. Центральную часть второй

стороны занимает большая спираль в семь с лишним витков, выполненная точечными углублениями, а вокруг нее - шесть спиралей поменьше в 3,5 оборота (рис.5-б). Те же самые спирали в 3,5 оборота фиксируются и на некоторых других мальтинских изделиях, причем в последних явно угадывается антропоморфный облик (рис.5-5).

Не слишком ли много совпадений? Может быть, пришло, наконец, время осознать, что древний человек не только был знаком с энергетической картиной мира, но и активно изображал ее? Все это заставляет не только взглянуть по-новому на историю человеческих знаний, но и на сами знания. Очень современными оказываются слова М.Ф.Косарева, что некогда “в далекой первобытности, когда человек (предчеловек?) был органической частью Природы и жил в соответствии с земной и космической ритмикой, ему было широко открыто вселенское семантическое поле (или в другой формулировке “космическое информационное поле”), дающее сущность понимания Мира...”¹⁴¹.

Подводя итоги анализу мелкой глиняной и кремневой пластики с берегов Андреевского озера эпохи неолита - ранней бронзы, отметим, что осмысление ее вне общего исторического контекста и глубокого знания этнографии урало-язычных народов, впитавшей в себя фрагменты верований различных эпох, невозможно. Раз за разом погружаясь в семантику отдельных образов, мы неизбежно сталкиваемся с тем, что скульптурные изображения являются конкретным проявлением мировоззренческих аспектов древнего населения. На базе хорошо документированных материалов удастся проследить, что аспекты эти, хотя и несут в себе определенный консерватизм, нестатичны. Они имеют свою динамику развития. Так, применительно к территории лесного Зауралья можно отметить переосмысление культа матери в эпоху мезолита и оформление промыслового культа водоплавающей птицы в развитом - позднем неолите; трансформацию семантики сосуда в энеолите - раннем бронзовом веке и смену акцентов в трактовке образа медведя в эпоху бронзы; выявить динамику отдельных тотемных образов и проследить ее вплоть до раннего неолита.

Рассматриваемые в совокупности, эти аспекты дают представление о сложном и многообразном процессе философского мироосмысления, охватывающем все основные вопросы - происхождение Земли и человека; его место в мире и воспроизводство мира; проблемы безопасного в нем существования и т.д.

¹ См.: Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М.,1981. С.95.

² См.: Там же. С.31.

³ См.: Там же. С.59.

⁴ См.: Чернецов В.Н. Вогульские сказки, Л.,1935. С.14; Чернецов В.Н. К истории родового строя у обских угров//СЭ. 1947.№ 6, 7. С.161. Соколова З.П. Социальная организация ханты и манси в XVIII-XIX вв.: Проблемы фратрии и рода. М.,1983. С.134; Симченко Ю.Б. Культура охотников на оленей Северной Евразии. М.,1976. С.266; Аписимов А.Ф. О строе военной демократии и начальных формах политеизма//ЕМИРИА. 1962.№ 6. С.352.

⁵ См.: Дрябина Л.А. Глиняная скульптура Андреевского озера//Конференция "Художественный музей: Коллекции, культура края": Сб. статей и тез. Тюмень, 1993. С.7.

⁶ См.: Викторова В.Д. Раскопки жилищ по берегам Андреевского озера//АО - 1975. М.,1976. С.226.

⁷ См.: Алексашенко Н.А., Матвеева Н.П., Паутова Т.П. Работа на Андреевском озере // АО - 1978. М.,1979. С.208 - 209; Матвеева Н.П. Антропоморфные фигурки из раскопок у Андреевского озера //СА. 1985. №2. С.223.

⁸ См.: Матвеева Н.П. Антропоморфные фигурки из раскопок у Андреевского озера. С.223.

⁹ См.: Ковалева В.Т. Энеолит лесного Зауралья: Андреевская культура: Препринт. Екатеринбург, 1995. С.34.

¹⁰ См.: Там же. С.34.

¹¹ См.: Викторова В.Д. Раскопки жилищ по берегам Андреевского озера ... С.226; Алексашенко Н.А., Матвеева Н.П., Паутова Т.П. Работа на Андреевском озере. С.209; Матвеева Н.П. Антропоморфные фигурки из раскопок у Андреевского озера. С.223.

¹² См.: Ковалева В.Т. Энеолит лесного Зауралья. С.5,10; Ковалева В.Т. Андреевская группа памятников в Нижнем Притоболье//Вопросы археологии Приобья. Тюмень, 1979. Вып.2. С.62.

¹³ См.: Ковалева В.Т. Энеолит лесного Зауралья. С.14.

¹⁴ См.: Раушенбах В.М. Женская статуэтка со стоянки Березовый Мыс //МИА. М., 1965. Вып.130. С.65 - 68.

¹⁵ См.: Ошибкина С.В. Север Восточной Европы//Археология СССР: Неолит Северной Евразии. М., 1996.С.227.

¹⁶ См.: Cederhvarf, Bjorn//SMYA. Helsinki, 1912. Вып. 26. Р.310.

¹⁷ См.: Ошибкина С.В. Север Восточной Европы. С.226.

¹⁸ См.: Cederhvarf, Bjorn. Р.310.

¹⁹ См.: Матвеева Н.П. Антропоморфные фигурки из раскопок у Андреевского озера. С.224; Ковалева В.Т. Энеолит лесного Зауралья. С.34 - 35.

²⁰ См.: Матвеева Н.П. Антропоморфные фигурки из раскопок у Андреевского озера. С.224.

²¹ См.: Ковалева В.Т. Энеолит лесного Зауралья. С.34 - 35.

²² См.: Там же. С.35.

²³ Абрамова З.А. Изображения человека в палеолитическом искусстве Евразии. М.;Л., 1966. С.17.

²⁴ См.: Там же. Табл. VIII-1,2,11.

²⁵ См.: Leroi-Gouran A. Prehistoire de l'art occidental. P., 1965; Абрамова З.А. Древнейшие формы изобразительного творчества: (Археологический анализ палеолитического искусства)//Ранние формы искусства. М., 1972. С.12. Табл.1, 2.

²⁶ См.: Антонова Е.В. Антропоморфная скульптура древних земледельцев Передней и Средней Азии. М., 1977.

²⁷ См.: Археология СССР: Мезолит СССР. М.,1989; Археология СССР: Неолит Северной Евразии; Археология СССР: Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М.,1987.

²⁸ См.: Археология СССР: Неолит Северной Евразии. Табл.3.

²⁹ См.: Там же. С.39. Рис.5.

³⁰ См.: Там же. Табл.3.

³¹ См.: Косарев М.Ф. Первый период развитого бронзового века Западной Сибири (самусьско-сейминская эпоха)//Археология СССР: Эпоха бронзы лесной полосы СССР. С.382. Рис.103.

³² См.: *Симченко Ю.Б.* Культура охотников на оленей Северной Евразии. С.264 - 266; *Головнев А.В.* Говорящие культуры: Традиции самодийцев и угров. Екатеринбург, 1995. С.538 - 539.

³³ См.: *Ковалева В.Т.* Энеолит лесного Зауралья. С.5, 37 - 38.

³⁴ См.: Там же. С.24.

³⁵ См.: *Симченко Ю.Б.* Культура охотников на оленей Северной Евразии. С.248; *Головнев А.В.* Говорящие культуры. С.537.

³⁶ См.: Там же. С.535.

³⁷ См.: *Симченко Ю.Б.* Культура охотников на оленей Северной Евразии. С.251.

³⁸ См.: *Головнев А.В.* Говорящие культуры. С.251.

³⁹ Там же. С.492.

⁴⁰ См.: *Симченко Ю.Б.* Культура охотников на оленей Северной Евразии. С.264; *Головнев А.В.* Говорящие культуры. С.539.

⁴¹ См.: *Сериков Ю.Б.* О находках произведений искусства на стоянке Юрьино IV (Зауралье)//СА. 1978. № 4. С.246. Рис.1-4,5, 27; *Матвеев А.В.* Путешествие в древний мир Ингальской долины//Природа. 1996. № 11. С.27.

⁴² Трасологический анализ выполнен Н.А.Алексашенко (Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург), которой приношу глубокую благодарность.

⁴³ См.: Неолит лесной зоны// Археология СССР: Неолит Северной Евразии. Рис.63, 64, 69, 74, 75.

⁴⁴ См.: *Замятин С.Н.* Миниатюрные кремневые скульптуры в неолите Северо-Восточной Европы//СА. 1948. № 10; *Крайнов Д.А.* Кремневые и костяные скульптуры из стоянок Верхнего Поволжья//Древняя Русь и славяне. М., 1978; *Крайнов Д.А.* Энеолит центра Русской равнины: Волосовская культура//Археология СССР: Эпоха бронзы лесной полосы СССР. С.26.

⁴⁵ См.: *Замятин С.Н.* Миниатюрные кремневые скульптуры в неолите Северо-Восточной Европы. С.107.

⁴⁶ См.: *Крайнов Д.А.* Энеолит центра Русской равнины. С.21.

⁴⁷ См.: *Сериков Ю.Б.* О находках произведений искусства на стоянке Юрьино IV. С.246.

⁴⁸ См.: Там же. С.248

⁴⁹ См.: *Крайнов Д.А.* Энеолит центра Русской равнины. С.21.

⁵⁰ См.: *Сериков Ю.Б.* О находках произведений искусства на стоянке Юрьино IV; *Рассадович А.И., Сериков Ю.Б., Старков В.Ф.* Древнейшая скульптура на Урале//СА. 1976. № 4.

⁵¹ См.: *Грибова Л.С.* Пермский звериный стиль. М., 1975. С.37.

⁵² См.: *Соколова З.П.* Социальная организация ханты и манси в XVIII-XIX вв. С.130.

⁵³ См.: Там же. С.131, 141.

⁵⁴ См.: *Дрябина Л.А.* Глиняная скульптура Андреевского озера...С.8.

⁵⁵ См.: *Рассадович А.И., Сериков Ю.Б., Старков В.Ф.* Древнейшая скульптура на Урале.

⁵⁶ См.: *Рогачев А.Н., Аникович М.В.* Поздний палеолит Русской равнины и Крыма//Археология СССР: Палеолит СССР. М., 1984; *Герасимов М.М.* Мальта - палеолитическая стоянка. Иркутск, 1931; *Герасимов М.М.* Раскопки палеолитической стоянки в селе Мальта//Палеолит СССР. Л., 1935; *Герасимов М.М.* Палеолитическая стоянка Мальта//СЭ. 1958. № 3.

⁵⁷ См.: Неолит лесной зоны. С.146.

⁵⁸ См.: Там же.С.179.

⁵⁹ См.: Там же. С.194.

⁶⁰ См.: Там же.С.223 и цветная вклейка.

⁶¹ См.: Там же. С.229.

⁶² См.: *Эдинг Д.Н.* Резная скульптура Урала//Тр.ГИМ. М., 1940. Вып.10. С.34 - 44, 69 - 72

⁶³ См.: *Сериков Ю.Б.* О находках произведений искусства на стоянке Юрьино IV; *Гурина Н.Н.* Водоплавающая птица в искусстве неолитических лесных племен//КСИА. М., 1972. Вып. 131; *Студзицкая С.В.* Искусство Восточного Урала и Западной Сибири в эпоху бронзы//Археология СССР: Эпоха бронзы лесной полосы СССР. С.324; *Мошинская В.И.* Древняя скульптура Урала и Западной Сибири. М., 1976.

⁶⁴ См.: *Розачев А.Н., Анников М.В.* Поздний палеолит Русской равнины и Крыма; *Герасимов М.М.* Мальта - палеолитическая стоянка; *Герасимов М.М.* Раскопки палеолитической стоянки в селе Мальта; *Герасимов М.М.* Палеолитическая стоянка Мальта; *Абрамова З.А.* Палеолитическое искусство на территории СССР//САИ. М.;Л., 1962. Вып. А 4 - 3; *Лозе И.* Резная скульптура каменного века Восточной Прибалтики в соотношении с уральской скульптурой//Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973.С.179.

⁶⁵ См.: *Головнев А.В.* Говорящие культуры. С.395 - 396; *Грибова Л.С.* Пермский звериный стиль. С.29 - 30, 87.

⁶⁶ См.: *Напольских В.В.* Древнейшие этапы происхождения народов уральской языковой семьи: Данные мифологической реконструкции (прауральский космогонический миф)//Материалы к серии "Народы Советского Союза".Вып.5: Народы уральской языковой семьи. М., 1991.

⁶⁷ См.: *Токарев С.А.* Ранние формы религии и их развитие. М., 1964. С.61.

⁶⁸ См.: *Соколова З.П.* Социальная организация ханты и манси в XVIII-XIX вв. С.141 - 142.

⁶⁹ См.: Там же. С.141.

⁷⁰ См.: *Грибова Л.С.* Пермский звериный стиль...С.44.

⁷¹ См.: Там же. С.86.

⁷² См.: Там же. С.87.

⁷³ См.: Там же. С.86.

⁷⁴ *Пелих Г.И.* Материалы по селькупскому шаманству//Этнография Северной Азии. Новосибирск, 1980. С.62 - 63.

⁷⁵ См.: *Головнев А.В.* Говорящие культуры. С.556.

⁷⁶ См.: *Пелих Г.И.* Материалы по селькупскому шаманству. С.60.

⁷⁷ См.: *Студзицкая С.В.* Искусство Восточного Урала и Западной Сибири в эпоху бронзы; *Ailio J. Zwei Tiersculpturen*//SMYA. Helsinki, 1912. № 26; *Leppaaho J. Eine Bahrenkopfaxt aus Paltamo*//SM. Helsinki, 1953. № 60; *Студзицкая С.В.* Каменный топор с головой медведя с неолитической стоянки Волго I/SA - XXI. Budapest, 1973. № 2; *Студзицкая С.В.* Образ зверя в мелкой пластике сибирских племен в эпоху неолита и ранней бронзы//Экспедиция ГИМ. М., 1969; *Васильевский Р.С., Окладников А.П.* Изображения медведей в неолитическом искусстве Северной Азии//Звери в камне. Новосибирск, 1980.

⁷⁸ См.: *Косарев М.Ф.* Первый период развитого бронзового века Западной Сибири (самусьско-сейминская эпоха). С.382. Рис.103-17; *Студзицкая С.В.* Искусство Восточного Урала и Западной Сибири в эпоху бронзы. С.400. Рис.121-3 - 4.

⁷⁹ См.: Там же. С.321 - 322.

⁸⁰ См.: *Студзицкая С.В.* Искусство Восточного Урала и Западной Сибири в эпоху бронзы. С.322.

⁸¹ См.: *Матющенко В.И.* Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья. Ч. 2: Самусьская культура // ИИС. Томск, 1973. Вып.12. С.41, 99, 100.

⁸² См.: *Студзицкая С.В.* Искусство Восточного Урала и Западной Сибири в эпоху бронзы. С.322.

⁸³ См.: *Мошинская В.И.* Древняя скульптура Урала и Западной Сибири. С.29 - 30.

⁸⁴ См.: Там же. С.26 - 30; 55. *Арефьев В.А.* Зооморфные мотивы оформления края сосудов со стоянки Полуденка I/СА. 1984. № 1; *Ковалева В.Т., Арефьев В.А.* О семантике сосудов с рельефными зооморфными изображениями//ВАУ. Екатеринбург, 1993. Вып.21.

- ⁸⁵ См.: *Мошинская В.И.* Древняя скульптура Урала и Западной Сибири. С.29; *Рассадович А.И., Сериков Ю.Б., Старков В.Ф.* Древнейшая скульптура на Урале; *Ковалева В.Т., Арефьев В.А.* О семантике сосудов с рельефными зооморфными изображениями. С.119.
- ⁸⁶ См.: *Мошинская В.И.* Древняя скульптура Урала и Западной Сибири. С.30; *Сериков Ю.Б.* О находках произведений искусства на стоянке Юрьино IV. С.246 - 247; *Гурина Н.Н.* Водоплавающая птица в искусстве неолитических лесных племен.
- ⁸⁷ См.: *Эдинг Д.Н.* Резная скульптура Урала; *Студзницкая С.В.* Искусство Восточного Урала и Западной Сибири в эпоху бронзы. С.400 - 401; *Эдинг Д.Н.* Новые находки на Горбуновском торфянике/МИА. М., 1940. № 1.
- ⁸⁸ См.: *Чернецов В.Н.* Наскальные изображения Урала//САИ. М., 1971. Вып. В 4 - 12; *Петрин В.Т.* Новые наскальные изображения Южного Урала//СА. 1984. № 3; *Шайтанская и Северская писаницы на Среднем Урале:* Препринт. Свердловск, 1990; *Широков В.Н.* Писаницы реки Ай: Препринт. Свердловск, 1990.
- ⁸⁹ См.: *Рыбаков Б.А.* Язычество древних славян. С.102; *Головнев А.В.* Говорящие культуры. С.234, 457 - 459.
- ⁹⁰ См.: *Столяр А.Д.* "Натуральное творчество" неандертальцев как основа генезиса искусства/Первобытное искусство. Новосибирск, 1971.
- ⁹¹ См.: Неолит лесной зоны. С.146. Рис.46-4,17, 58-34, 74-7, цветная вклейка; *Крайнов Д.А.* Энеолит центра Русской равнины. С.21; *Старков В.Ф.* О так называемых богатых буграх в лесном Зауралье//Вестн. Моск. ун-та. 1969. № 5. С.72 - 73.
- ⁹² См.: *Васильев Б.А.* Медвежий праздник//СЭ. 1948. № 4. С.79 - 80.
- ⁹³ См.: *Чернецов В.Н.* Фратриальное устройство обско-югорского общества//СЭ. 1939. № 2. С.40.
- ⁹⁴ См.: *Грибова Л.С.* Пермский звериный стиль. С.85; *Васильевский Р.С., Окладников А.П.* Изображения медведей в неолитическом искусстве Северной Азии. С.232; *Васильев Б.А.* Медвежий праздник.
- ⁹⁵ См.: *Рыбаков Б.А.* Язычество древних славян. С.108.
- ⁹⁶ См.: Там же. С.52
- ⁹⁷ См.: Там же; *Афанасьев А.Н.* Поэтические воззрения славян на природу. М., 1865. Т.1. С.536 - 538; *Козлова К.И.* Этнография народов Поволжья. М., 1964. С.149.
- ⁹⁸ См.: *Грибова Л.С.* Пермский звериный стиль. С.87.
- ⁹⁹ См.: *Головнев А.В.* Говорящие культуры. С.396, 529, 541; *Источники по этнографии Западной Сибири.* Томск, 1987. С.153.
- ¹⁰⁰ *Головнев А.В.* Говорящие культуры. С.400.
- ¹⁰¹ *Источники по этнографии Западной Сибири.* С.153.
- ¹⁰² См.: *Мартынов А.В.* Исповедимый путь. М., 1990. С.86 - 87; *Тыосли Лобсанг Рампа.* Ты вечен. Киев, 1993. С.43.
- ¹⁰³ *Шри Свами Шивананда.* Кундалини Йога. СПб., 1993. С.70.
- ¹⁰⁴ См.: Там же. С.60 - 80; *Каптен Ю.Л.* Основы медитации. Самара, 1994. С.125 - 140.
- ¹⁰⁵ См.: *Luho V.* Die kammkeramische kultur und die finno-ugrische Frage // Congressus secundus internationalis finno-ugristarum, Helsinki, 23-29/ VIII - 1965. Helsinki, 1968.
- ¹⁰⁶ См.: *Головнев А.В.* Говорящие культуры. С.529.
- ¹⁰⁷ См.: *Кокишаров С.Ф.* Опыт реконструкции некоторых мифологических представлений кондинского населения эпохи неолита // Материалы по изобразительной деятельности древнего населения Урала: Препринт. Свердловск, 1990. С.9,11.
- ¹⁰⁸ См.: *Мошинская В.И.* Древняя скульптура Урала и Западной Сибири. С.26 - 27.
- ¹⁰⁹ См.: *Головнев А.В.* Говорящие культуры. С.398, 416.
- ¹¹⁰ Там же. С.525.
- ¹¹¹ См.: *Пелих Г.И.* Материалы по селькупскому шаманству. С.59.
- ¹¹² *Головнев А.В.* Говорящие культуры. С.276.

¹¹³ См.: *Косарев М.Ф.* Первый период развитого бронзового века Западной Сибири (самусьско-сейминская эпоха). С.382. Рис.103-17; *Студзицкая С.В.* Искусство Восточного Урала и Западной Сибири в эпоху бронзы. С.321 - 322, 400. Рис.121; *Студзицкая С.В.* Каменный топор с головой медведя с неолитической стоянки Волго I; *Студзицкая С.В.* Искусство Дальнего Востока в эпоху бронзы // *Археология СССР: Эпоха бронзы лесной полосы СССР*. С.348, 416. Рис.137-1; Ранний бронзовый век лесной полосы Европейской части СССР // *Археология СССР: Эпоха бронзы лесной полосы СССР*. С.184. Рис.28а-20.

¹¹⁴ См.: Ранний бронзовый век лесной полосы Европейской части СССР. С.65.

¹¹⁵ См.: *Косарев М.Ф.* Первый период развитого бронзового века Западной Сибири (самусьско-сейминская эпоха). С.273; Ранний бронзовый век лесной полосы Европейской части СССР. С.65.

¹¹⁶ См.: *Славин В.Д.* Некоторые аспекты развития ранних форм религии в лесном Приобье в эпоху металла: (К постановке проблемы)/*Этнокультурная история населения Западной Сибири*. Томск, 1978. С.16.

¹¹⁷ См.: *Гурина Н.Н.* Мезолит Карелии//*Археология СССР: Мезолит СССР*. С.217. Рис.10-4, 15.

¹¹⁸ См.: *Лозе И.* Резная скульптура каменного века Восточной Прибалтики в соотношении с уральской скульптурой. С.178 - 179.

¹¹⁹ См.: Неолит лесной зоны. С.146. Рис.46-24; *Лозе И.* Резная скульптура каменного века Восточной Прибалтики в соотношении с уральской скульптурой. С.178 - 179. Рис.4.

¹²⁰ См.: *Крайнов Д.А.* Энеолит центра Русской равнины. С.162. Рис.6-30.

¹²¹ См.: *Эдинг Д.Н.* Резная скульптура Урала. С.65. Рис.61.

¹²² См.: *Кокшаров С.Ф.* Опыт реконструкции некоторых мифологических представлений кондинского населения эпохи энеолита. С.20.

¹²³ См.: *Кожин П.М., Сариниди В.И.* Змея в культовой символике анауских племен//*История, археология и этнография Средней Азии*. Л., 1968.

¹²⁴ См.: Там же. С.38 - 39.

¹²⁵ См.: *Соколова З.П.* Социальная организация ханты и манси в XVIII - XIX вв. С.141; *Пелих Г.И.* Материалы по селькупскому шаманству. С.62 - 63.

¹²⁶ См.: *Соколова З.П.* Социальная организация ханты и манси в XVIII - XIX вв. С.141.

¹²⁷ См.: *Головнев А.В.* Говорящие культуры. С.523 - 524.

¹²⁸ См.: *Грибова Л.С.* Пермский звериный стиль. С.39.

¹²⁹ См.: *Головнев А.В.* Говорящие культуры. С.524.

¹³⁰ См.: Там же. С.523 - 524; *Прокофьева Е.Д.* О социальной организации селькупов // *ТИЭ*. 1952. Т.18. С.99.

¹³¹ *Головнев А.В.* Говорящие культуры. С.523.

¹³² См.: *Пелих Г.И.* Материалы по селькупскому шаманству. С.24 - 27.

¹³³ См.: *Окладников А.П.* "Олень золотые рога". Л.;М., 1964. С.82.

¹³⁴ См.: *Пелих Г.И.* Материалы по селькупскому шаманству. С.24 - 27.

¹³⁵ См.: *Хлобыстин Л.П.* Бронзовый век Восточной Сибири//*Археология СССР: Эпоха бронзы лесной полосы СССР*. С.328, 332, 404.

¹³⁶ См.: *Шри Свами Шивананда.* Кундалини йога. С.35, 38 - 40, 73.

¹³⁷ См.: Там же; *Свами Вивекананда.* Четыре йогии. М., 1993. С.148 - 149.

¹³⁸ См.: *Каптен Ю.Л.* Основы медитации. Самара, 1994. С.126.

¹³⁹ См.: *Шри Свами Шивананда.* Кундалини йога. С.39 - 40.

¹⁴⁰ См.: *Фролов Б.А.* Числа в графике палеолита. Новосибирск, 1974. С.124.

¹⁴¹ *Косарев М.Ф.* Некоторые аспекты языческого космологического знания: (По урало-западно-сибирским археолого-этнографическим материалам)//*Археoaстрономия: Проблемы становления*. Тез. докл. междунар. конф. М., 1996. С.82 - 83.